

Денисенко Александр Иванович,
1947 г.р. Поэт, прозаик, редактор.

Родился в Новосибирской области.
Учился в педагогическом институте
(НГПУ). По профессии – телеоператор
(Новосибирское ТВ). Работал также в
издательствах «Детская литература»
(Сибирское отделение), «Мангазея».

Стихи публиковались в журналах
«Сибирские огни», «Мангазея», «Лите-
ратурная учеба», «Сибирская горница»,
«Земля Сибирь», «Русский дом», «Знамя»,
сборнике «Гнездо поэтов», в поэтических антологиях: «Итоги
века» (1997), «Русская поэзия XX века» (1999), «Антологию русской
поэзии» (2000).

Автор книг «Аминь» (1990), «Пепел» (2000), «Избранное. Стихи
и проза» (2019) и др.

Николаю Шипилову

За деревней, в цветах, лебеде и крапиве
Умер конь вороной во цвету, во хмелю, на лугу.
Он хотел отдохнуть, но его всякий раз торопили,
Как торопят меня, а я больше бежать не могу.
От весёлой реки, по траве, из последних силёнок,
Огибая цветы, торопя черноглазую мать,
К вороному коню, задыхаясь, бежит жеребёнок,
Но ему перед батей уже никогда не сплясать.
Председатель вздохнёт, и закроет лиловые очи,
И погладит звезду, и кузнечика с гривы смахнёт,
Похоронит коня, выйдет в сад покурить среди ночи,
А потом до утра своих глаз вороных не сомкнёт.
Затуманится луг. Все товарищи выйдут в ночное,
А во лбу жеребёнка в ту ночь загорится звезда,
И при свете её он увидит вдали городское

Незнакомое поле. Вороного тянуло туда.
За заставой, в цветах, лебеде и крапиве
Умер русский поэт во цвету, во хмелю, на лугу.
Он лежал на траве, и в его разметавшейся гриве
Спал кузнечик ночной, не улегшийся, видно, в строку.
И когда на заре поднимали поэты поэта,
Уронили в цветы небольшую живую тетрадь,
А когда все ушли, из соседнего нежного лета
Прибежал жеребёнок, нагнулся и начал читать.

Евгению Лазарчуку

с вечной памятью о нашей юности

Отчего в этом доме светло...
Это брёвна прогрелись за лето,
Да ещё два окна под ветлой,
Как глаза, переполнены светом.
Отчего на душе так темно...
Это кони мои под ветлою
Ливнем шёлковых грив мне окно
Занавесили чёрной фатою.
По ночам меня душит ботва
За мои неуёмные речи,
И цветы – полевая братва –
Заплетают мне руки и плечи.
И всю ночь полевая луна,
Протекая сквозь ситец оконный,
Своим красным вином допьяна
Напоит золотые иконы.
Или это бессонницы бред:
Это сам я качаюсь пред ними,
Это их исцеляющий свет

Сохраняет меня невредимым.
Отцвели кумачи на Руси,
Отошли комсомольские пасхи.
Светлый сонм деревенских святых
Пополняют слепцы и подпаски.
Не заглянет в окошко мой дед –
Он с 16 лет – враг народа.
И меня в этой комнате нет –
Я расстрелян среди огорода.
Пролетел через грудь мою шмель
Из ствола пионерского горна,
И московской любви карамель –
Поперёк деревенского горла.
...Хорошо, что успела луна
Нацедить свой напиток игривый.
Эту лунь, выпивая до дна,
Расчешу своим шомполом гривы.
Этим соком я стёкла протру,
Осветлю потемневшие брёвна,
Чтобы в хлынувший свет поутру
Сердце билось и тонко, и кровно.
На душе и темно, и светло:
То луна, то деревья, то кони,
То ветла обнимает окно:
Это было всё, Саша, сыскони.
Только я все стихи променял
На слова совершенно простые,
И не вспомнит, наверно, меня
Золотая деревня Россия.

Покрести на дорогу мне сердце и сокола выпусти,
Отцвели васильки у тебя на высоком лице.

В час вечерний у рощи прощальной прощенье
нам выпроси,

Где стонал соловей и дрожали огни на вц.

И за рощей за той, причиняя земле ожидание,

Осень красное платье снимает и дарит тебе.

Вот и будет теперь на лице у меня два страдания:

Как мне вас различать и кого мне любить в сентябре.

Серый гусь просвистит, словно свет собирает от сокола,

И сойдутся они над моей головой в небеси,

И перо упадёт мне под ноги с гусяного локона,

Чтобы я написал тебе мёртвое слово прости.

Пусть уж лучше, как встарь, золочёным замком сердце
заперто,

Пусть соловушка в роще осенней уронит ключи,

А зима подойдёт – упадёт в этом месте он замертво,

И сожмётся сердечко, как красный кусочек парчи.

Я посею цветы по высокому русскому снегу,

Чтоб играла метель в васильки, васильки, васильки,

Но ударил вернувшийся сокол под сердце с разбегу...

...Гусь летит в середине рыдающей русской строки.

Виктору Сайдакову

К ночи верхом на деревьях с улыбкой проскачут
нездешние всадники:

Видимо, в гривы деревьев вплели они дёвичий смех.

Голая осень будет смиренно стоять в палисаднике,

Ждать, когда грудь искушает ей юноша-снег.

К ночи хозяйка моя, у которой я, юноша, жил целый год,
постоялец,

Будет ходить по избе, не стесняясь своей наготы.
Если к груди невзначай прикоснусь – у неё на щеках
выступает мгновенный румянец,
А средь зимы к дню рожденья её на окне расцветают
живые цветы.
К ночи прискачет мой клён с разноцветной смеющейся
гривой.
Голая осень выйдет меня в палисад провожать.
Я наклонюсь к ней, целуя: пускай она будет
счастливой-счастливой
И каждый год обязательно всадника-юношу ждать.

Красавица

Слава Богу: метёт и метёт.
Зги не видно. А ехать – не близко.
Парус ветра рванулся вперёд,
Разгоняясь до самого Бийска.
О, тут чудится русский дорожный сюжет:
Бесы, волки, любовь и погоня –
Снег белей, чем крахмальный дворянский манжет...
И в степи заплутавшие кони...
И, конечно, герой – молодой офицер,
Тёмной ночью укравший невесту, –
Интересно, останется юноша цел
Иль погибнет с красавицей-крести...
Кто-то гонится следом: ревнивый отец,
Гимназист или дохтур уездный...
И пускай их преследуют страстный купец
И кузнец – молодой и мятежный.
Стоп... А кони? А кони, вестимо, собьются с пути –
Волчья стая сжимается веером.
Всё: сомкнулась – теперь никому не уйти,

И девичья перчатка, как в книжках, – утеряна...
Дальше что? дальше – выстрел: и падает в снег эполет...
Кто стрелял?.. Непонятно... Наверное ,
Из кибитки проезжей шарахнул корнет –
У корнетов привычка прескверная...
Хорошо б в это время и встречный ямщик
Опясал кнутом молодого купца –
Это б было, друзья, среди снегов – просто шик,
А потом бы взбодрил в три удара корнета, отца, кузнеца.
И пошла кутерьма: даже волчий вожак
Получил два заряда в смотрелки.
Только ветер свистел в ямщиковых вожжах,
Когда он уходил в перестрелке...
Ну, а что же она? – ни мертва, ни жива:
Женихи, кавалеры – в сугробе...
И плывет среди пурги в дальний путь кошева,
И ямщик наклонился к зазнобе...
Слава Богу: метёт и метёт...
Зги не видно, а ехать – не близко.
Парус ветра рванулся вперед
И смеялся до самого Бийска...

